

Шмиттианские вариации на тему большого пространства*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *SIMMS B.* (2023). *DIE RÜCKKEHR DES GROSSRAUMS?* BERLIN: DUNCKER & HUMBLOT. — (CARL-SCHMITT-VORLESUNGEN, BAND 6). ISBN: 978-3-428-19022-5

Олег Кильдюшов

Старший научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, 20, Москва, 101100, Российская Федерация
E-mail: kildyushov@mail.ru

Брендан Симмс — известный британский историк ирландского происхождения, специалист в области европейской внешней политики. В настоящее время он является профессором истории международных отношений в департаменте политики и международных исследований Кембриджского университета. Его перу принадлежат многочисленные работы по военно-политической истории Нового времени, в том числе по эпохе Наполеоновских войн¹. В центре его исследовательского интереса находится также имперская история Британии², причем он изучает ее влияние на европейский континент в широкой временной перспективе — вплоть до военных катастроф XX века³. Особое место в научной биографии Б. Симмса занимает немецкая историческая проблематика, которую он помещает в широкий европейский и глобальный контекст⁴. В последние несколько лет в фокусе его внимания находится стратегия мировой войны Гитлера⁵, а чуть ранее он написал фундаментальную 700-страничную биографию нацистского диктатора, переведенную на иностранные языки, включая немецкий⁶. Русскому читателю

* В данной публикации использованы результаты проекта «Национальная философия и культура: традиционные духовно-нравственные ценности», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2026 году.

1. *Simms B.* (1992). *Anglo-Prussian relations, 1804–1806: the Napoleonic threat.* Cambridge: Cambridge University Press; *Simms B.* (2014). *The Longest Afternoon: The Four Hundred Men Who Decided the Battle of Waterloo.* London: Allen Lane.

2. *Simms B.* (2007). *Three Victories and a Defeat: The Rise and Fall of the First British Empire, 1714–1783.* London: Allen Lane; *Simms B.* (2016). *Britain's Europe: A Thousand Years of Conflict and Cooperation.* London: Allen Lane, Penguin.

3. *Simms B.* (2001). *Unfinest Hour: Britain and the Destruction of Bosnia.* London: Allen Lane; *Trim D. J. B., Simms B.* (eds.) (2024): *Harfleur to Hamburg: Five Centuries of English and British Violence in Europe.* London: C. Hurst & Co.

4. *Simms B.* (1998). *The Struggle for Mastery in Germany, 1779–1850.* London: Palgrave MacMillan.

5. *Laderman Ch., Simms B.* (2021). *Hitler's American Gamble: Pearl Harbor and Germany's March to Global War.* New York: Basic Books.

6. *Simms B.* (2019). *Hitler: Only the World Was Enough.* London: Allen Lane; *Simms B.* (2020). *Hitler: Eine globale Biographie.* München: Deutsche Verlags-Anstalt.

доступна пока одна работа британского ученого, посвященная европейской военно-политической истории последних 500 лет⁷.

По признанию самого Симмса, сделанному в предисловии к обсуждаемой здесь книге (S. 5), уже несколько десятилетий его занимает фигура Карла Шмитта и возможность применения его идей к международным отношениям в Европе Нового времени. Так, одна из ранних публикаций исследователя была основана на известном шмиттовском различении принципов суши и моря⁸, наложенном на конкретный исторический кейс британо-прусских отношений⁹. Его первая книга о Пруссии перед реформами начала XIX века¹⁰ также опиралась на сочинение Шмитта в жанре диалога «Разговор о власти и доступе к властителю»¹¹. С его помощью он пытался анализировать «высокую политику» прусского короля Фридриха Вильгельма III. Таким образом, британский историк уже давно использует идейное наследие немецкого мыслителя в качестве аналитической рамки для своих исследований конкретных тем и сюжетов европейского прошлого. Видимо, такой творческий подход в жанре «прикладного шмиттоведения» и привлек внимание коллег из берлинского Общества Карла Шмитта, пригласивших Симмса прочитать престижную «шмиттовскую лекцию», восьмую по счету. Эти лекции начиная с 2014 года ежегодно организуются обществом в одном из исторических зданий Университета имени Гумбольдта. Ранее в качестве лекторов в данном цикле выступили такие известные фигуры, как немецкий историк искусства Хорст Бредекамп, английский историк идей Квентин Скиннер и автор работ по восточноевропейской истории Йорг Баберовски. Таким образом, само приглашение британца может рассматриваться как форма признания его научных заслуг со стороны правоконсервативных немецких интеллектуалов. Выступление состоялось 23 октября 2023 года в зале торжественных заседаний университетской клиники Charité и носило название в форме вопроса — «Возвращение большого пространства?». Чуть позже текст вышел в берлинском издательстве Duncker & Humblot, которое традиционно издает труды самого Шмитта и по совместительству выступает штаб-квартирой шмиттовского общества. Поэтому книжка составляет том 6 издательской серии «Лекции имени Карла Шмитта».

Здесь примечательно то, что профессор Симмс является открытым сторонником «продвижения демократии во всем мире» и либерального интервенционизма, т.е. публично отстаивает геополитические взгляды, прямо противоположные

7. Симмс Б. (2017). Европа. Борьба за господство: с 1453 года по настоящее время. М.: АСТ.

8. См.: Кильдьюшов О. В. (2026). Карл Шмитт о всемирной истории: детективный рассказ для дочери // Шмитт К. Суша и море. Всемирно-историческое размышление / Пер. с нем. С. Мухамеджанова. М.: Ad Marginem. С. 90-108.

9. Simms B. (1991). Fra "Land" e "Meer". La Gran Bretagna, la Prussia e il problema del decisionismo // Ricerche di Storia Politica. № 6. P. 5-34.

10. Simms B. (1997). The Impact of Napoleon: Prussian High Politics, Foreign Policy and the Crisis of the Executive, 1797-1806. Cambridge: Cambridge University Press.

11. Schmitt C. (1954). Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. Pfullingen: Günther Neske. См. русский перевод: Шмитт К. (2016). Разговор о власти и доступе к властителю / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Шмитт К. Понятие политического / Под ред. А. Ф. Филиппова; пер. с нем. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. СПб.: Наука. С. 415-432.

шмиттовским идеям о больших пространствах. Далее мы покажем, как такого рода идеологическая ангажированность британца влияет на качество его рефлексии по поводу и посредством идей немецкого мыслителя. Это тем легче продемонстрировать, поскольку предметом проблематизации на лекции стали не сюжеты из далекого европейского прошлого, а события XX и XXI веков. Таким образом, и здесь Симмс остается верным своему методу, выходящему за рамки традиционной экзегезы наследия Шмитта, которая обычно пытается реконструировать политико-полемический контекст его мысли. Британского автора, напротив, больше привлекает возможность использовать шмиттовские идеи как аналитическую рамку для прояснения конфликтов современной эпохи, выискивая параллели и фиксируя различия с предшествующими периодами. Структурно сочинение состоит из кратких введения и заключения и семи небольших тематических глав, выстроенных по хронологическому принципу от позапрошлого века до наших дней. Охарактеризуем кратко содержание каждого из разделов, остановившись более подробно на наиболее спорных моментах данного публичного высказывания, в том числе затрагивающих нашу страну.

Первый раздел называется «Понятие большого пространства в XIX — начале XX века» и посвящен генезису концепта в рамках немецкой политической мысли позапрошлого века, связанной с объединением Германии, капиталистическим развитием и геополитическими проекциями силы на Центральную Европу. Ключевыми фигурами здесь для Симмса выступают немецкий теоретик национальной экономики Фридрих Лист, австрийский государственный деятель Карл Людвиг фон Брук, первый германский канцлер Отто фон Бисмарк, влиятельный экономист Густав фон Шмоллер, гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц, либеральный публицист Фридрих Науманн и др. На материале их программных высказываний историк демонстрирует эволюцию концепта большого пространства в немецкой политической теории и практике с середины XIX века до Первой мировой войны, фиксируя стратегические дилеммы германской геополитики. Наиболее спорные моменты немецкого пространственного мышления связаны с проекцией силы на соседние регионы Восточной Европы, с проблемой заморских колоний в условиях англосаксонского морского доминирования и отношениями с другими континентальными империями, прежде всего с Россией¹², и т.д. Симмс также приводит американскую реакцию на такого рода представления и планы немецких политиков и интеллектуалов: их коллеги за океаном видели в этом потенциальную угрозу для собственного глобального господства. Эти вашингтонские страхи носили явно преувеличенный характер, например, в том, что касается подрыва американского доминирования в западном полушарии: якобы они превращали доктрину Монро в клочок бумаги (S. 13–14).

Вторая часть лекции непосредственно касается шмиттовских идей и представляет собой попытку их сравнительного анализа: «Немецкая реакция на поражение

12. Б. Симмс цитирует примечательное высказывание А. фон Тирпица, сделанное в августе 1915 года, т.е. в разгар мировой войны: «Поскольку англосаксонский мир окончательно объединился против Германии, нам при любых обстоятельствах следует стремиться к союзу с Россией и Японией» (S. 13).

в Первой мировой войне: Адольф Гитлер и Карл Шмитт». Как известно, в мировой шмиттиане тоpos «Шмитт и нацизм» объяснимым образом занимает значительную, хотя и крайне малопродуктивную роль¹³. Здесь же Симмс ничтоже сумняшеся сопоставляет геополитические взгляды радикального политика и профессора права времен Веймарской республики. На основании соответствующих мест из книг, речей и интервью Гитлера 1920–1930-х годов исследователь вычленяет его концепцию большого пространства как «жизненного пространства» для возрожденного Германского рейха. Наиболее неожиданным в этих экспансионистских рассуждениях является критика колониальной политики кайзера Вильгельма II за неоправданное провоцирование Британской империи! Сам Гитлер отказывался от колониальных амбиций и выказывал свое уважение в адрес доктрины Монро. Так, уже в 1923 году в разговоре с американскими журналистами он требовал аналогичную доктрину для Германии, а в 1930-м прямо называл США моделью для Германии. Годом позже в интервью «Нью-Йорк Таймс» он снова подчеркивал необходимость признания «доктрины Монро для немцев», т.е. раздела мира с англосаксонскими державами на два макрорегиона на основе соглашения о взаимном невмешательстве в дела другой стороны (S. 18–20).

В этот период ученый-правовед Шмитт в основном занимался другими темами: политическая теология, Веймарская конституция, децизионизм и т.п. Проблематика больших пространств еще не находилась в центре его интереса, хотя, преподавая в 1920-е годы в Боннском университете, он лично пережил французскую оккупацию Рейнской области. Именно с этого времени Шмитт подвергает критике Лигу Наций и принципы ее легитимизации. Для него тогда доктрина Монро была не чем иным, как выражением американской исключительности в отношении стран Центральной и Южной Америки. Ничего подобного для Германии он не требовал. Тем не менее Симмс настаивает на пересечении идей двух немецких деятелей, например, их общего неприятия англосаксонского господства под маской интернационализма. Видимо, понимая некоторую натяжку такого рода сравнений, британский историк специально оговаривается, что вовсе не считает Шмитта Веймарской поры национал-социалистом, отмечая его вовлеченность в планы консервативных военных не допустить прихода Гитлера к власти. Лишь в 1939 году юрист эксплицитно формулирует тезис о «порядке больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил»¹⁴. По признанию Симмса, именно этот концепт дал название его шмиттовской лекции (S. 22).

13. Несмотря на продолжающиеся обвинения Шмитта в изначальном криптонацизме, в мировом шмиттоведении давно утвердилось мнение, что Шмитт «не занимался идеологическим оправданием национал-социалистической внешней политики». См.: *Bendersky J. W.* (1983). *Carl Schmitt. Theorist for the Reich*. Princeton: Princeton University Press. P. 259.

14. *Schmitt C.* (1939). *Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht*. Berlin-Wien-Leipzig: Deutscher Rechtsverlag. См. русский перевод: *Шмитт К.* (2008). *Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // Шмитт К.* *Номос Земли в праве народов jus publicum Europaeum / Пер. с нем. К. В. Лощевского, Ю. Ю. Коринца, под ред. Д. В. Кузницына.* СПб.: Владимир Даль. С. 479–572.

С конца 1930-х годов идея общего пространства континентальных держав, включающего вмешательство внешних сил, станет центральной для геополитических взглядов Шмитта. Теперь он прямо указывает на доктрину Монро как пример политического размежевания больших пространств, позволяющего предотвратить идеологически мотивированные войны и гарантировать мир. Симмс подчеркивает, что подобное представление вовсе не означало притязания на мировое господство, скорее, напротив, такого рода пространственная доктрина предполагает взаимное признание существования других, пусть и конкурирующих, но легитимных больших пространств. Для него это доктрина ограничения экспансии и сосуществования: «Здесь мыслится не только многополярная система, но множество политических систем» (S. 25). Стоит ли говорить, что подобные идеи не соответствовали нацистскому мейнстриму кануна Второй мировой войны¹⁵.

Третий раздел книги посвящен собственно пространственному повороту в мысли Шмитта в годы глобальной катастрофы: «Концепт большого пространства во время Второй мировой войны: национал-социалистическая геополитика versus универсальные системы порядка». Симмс начинает его с контрфактического утверждения о значительном совпадении взглядов Гитлера и Шмитта, подчеркивая при этом «оригинальность» идей фюрера относительно пространственного порядка и их независимость от теоретических построений юриста. Далее внутри того же параграфа британский историк явно противоречит сам себе, демонстрируя принципиальные различия подходов двух этих деятелей. Здесь можно указать на различную оценку отношений Германии с Советским Союзом: Шмитт поддерживал идею компромисса с огромной континентальной державой, что открывало путь к замирению евразийского пространства от Атлантики до Японии. Гитлером же СССР давно мыслился не просто как источник ресурсов, но и как само жизненное пространство для рейха. Не только страны Восточной Европы, но и западная часть Советского Союза оказывались в зоне нацистских геополитических интересов, что сделало вторжение в июне 1941 года неизбежным. Главным мотивом агрессии для Гитлера была необходимость усиления веса Третьего рейха в противостоянии с англосаксонскими державами. Для Шмитта же главным историческим врагом Германии всегда были именно англосаксы, которые под личиной универсального порядка установили глобальную гегемонию¹⁶ («универсалистско-империалистическое мировое право западных демократий»), отказывая своим

15. Ср.: «Эту брошюру американские обвинители в Нюрнберге безуспешно пытались представить в качестве юридического обоснования нацистской агрессии. Разумеется, она не служила этой цели <...>. Шмитт не обосновывал германскую агрессию, нацистам не нужны были теоретические разработки Шмитта». См.: Филиппов А. Ф. (2008). К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // *Шмитт К. Номос Земли в праве народов jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль. С. 649.

16. Ср. известную формулу из программной статьи влиятельного американского журналиста Генри Луса, опубликованную в феврале 1941 года: «Возможно, тирании требуют большого жизненного пространства, однако свобода требует гораздо больше жизненного пространства, чем тирании». См.: *Luce H. Life Magazine*. 17.02.1941.

конкурентам в легитимности притязаний на собственную пространственную автономию¹⁷. Даже после 22 июня 1941 года принципиальный враг для него — это англосаксы, а не коммунистическая Россия. В этом смысле Симмс вполне справедливо называет шмиттовское всемирно-историческое размышление «Суша и море» (1942) скрытой критикой решения Гитлера нарушить договоренности со Сталиным и начать войну с евразийским соседом (S. 32–33).

Примечательно, что во введении к шмиттовской лекции британский историк заверил своих слушателей, что не намерен давать моральные оценки связям Шмитта с национал-социализмом. Видимо, в качестве своеобразной компенсации он завершил сюжет о Второй мировой войне открытой апологией англосаксонских бомбардировок германских городов — довольно неожиданный жест по отношению к немецкой аудитории в контексте актуального исторического дискурса в ФРГ по меморизации жертв среди мирного населения¹⁸!

Четвертое рассуждение в рамках лекции затрагивает послевоенную эволюцию взглядов немецкого теоретика: «Измененный концепт большого пространства Карла Шмитта во время Холодной войны». В нем Симмс фиксирует определенную адаптацию его концепции при сохранении представлений о главном враге: ни до, ни после 1945 года тот не рассматривал в качестве такового СССР или мировой коммунизм. Главной целью его инвектив продолжали оставаться универсалистские притязания Запада, закрепленные в международном праве под новым одеянием Организации Объединенных Наций, пришедшей на смену столь ненавистной ему Лиги Наций. В мадридском докладе 1962 года «Порядок мира после Второй мировой войны» он называет ООН «рефлексом существующего порядка и, к сожалению, беспорядка»¹⁹. Еще раньше, в 1955 году, поводом высказаться о новой геополитической ситуации для него стал юбилейный сборник к 60-летию Э. Юнгера. В написанном им для сборника полемическом тексте под названием «Историческая структура сегодняшнего мирового противостояния между Востоком и Западом»²⁰, он отвергает всемирно-историческую миссию Запада, противопоставляя ей политическую многополярность мира. При этом его симпатии были на стороне «хартленда», если говорить языком геополитики Хэлфорда Макиндера: «Противоположность континентального и морского миров — это существующая глобальная действительность, из которой мы должны исходить, чтобы вообще правильно поставить вопрос об исторической структуре напряженности внутри

17. В ответ на заявление военного министра США Г. Стимсона о том, что мир слишком мал для двух столь противоположных систем, как Соединенные Штаты и страны «оси», Шмитт сделал 9 мая 1943 года следующую запись в дневнике: «Наш мир достаточно велик для 5 великих держав».

18. Friedrich J. (2002). Der Brand: Deutschland im Bombenkrieg 1940–1945. Berlin: Propyläen.

19. Schmitt C. (1995). Die Ordnung der Welt nach dem Zweiten Weltkrieg (1962) // Schmitt C. Staat, Grossraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916–1969 / Hrsg. mit einem Vorwort von G. Maschke. Berlin: Duncker & Humblot. S. 593.

20. Schmitt C. (1955). Die geschichtliche Struktur des heutigen Weltgegensatzes von Ost und West. Bemerkungen zu Ernst Jüngers Schrift „Der Gordische Knoten“ // A. Mohler (Hrsg.) Freundschaftliche Begegnungen. Festschrift für E. Jünger zum 60. Geb. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.

современного мирового дуализма»²¹. Симмс показывает, что Шмитт отказывался следовать общепринятой схеме идеологической интерпретации противостояния Востока и Запада, настаивая на более фундаментальных причинах глобальной борьбы. В качестве подтверждения он приводит программный фрагмент из испанского доклада: «Каким образом разрешится противоречие между дуализмом Холодной войны и плюрализмом больших пространств? <...> Будет усиливаться дуализм Холодной войны или возникнет ряд больших пространств, которые создадут баланс в мире и тем самым предусловие для стабильного мирового порядка?»²² Стоит ли говорить, что неприятие Шмиттом западных притязаний на мировую гегемонию обеспечило в XXI веке всплеск интереса к его идеям в незападных странах, включая Россию.

Русской теме эксплицитно посвящен *пятый* параграф книги: «Концепт большого пространства в настоящее время: Россия при Путине». В нем британский историк фиксирует бурную рецепцию идей Шмитта в нашей стране, отмечая при этом, что этот интерес во многом обусловлен именно пространственными аспектами его мысли, якобы «хорошо гармонирующими с авторитарным течением при Владимире Путине» (S. 38). В качестве других содержательных причин популярности шмиттовских построений в наших широтах называются отсутствие у немецкого классика морализаторства, подчеркивание им приоритета политического, ясное различие друга и врага, неприятие универсализма и дегуманизирующего Запада в целом, триумф «исключительного положения» и т.д. Однако главную привлекательность Шмитта для русских Симмс видит именно в доктрине большого пространства, идеально подходящей к «стремлению русских националистов и геополитиков создать для их собственной страны самостоятельную систему порядка путем новых притязаний на области, потерянные при распаде Советского Союза» (S. 39). Главной фигурой такого рода рецепции здесь ожидаемо выступает А. Г. Дугин, воплощающий в себе русский ресентимент в отношении талассократического Запада в лице США, Британии и их союзников. Другими репрезентантами усиливающейся демонизации западных противников России для британца оказываются политолог Т. В. Бордачев, историк Ф. А. Гайда и другие отечественные авторы, настаивающие на необходимости защищать суверенитет РФ от ее «экзистенциальных врагов» (S. 43).

К большому удивлению рецензента, в данном разделе несомненные исторические и шмиттоведческие компетенции британского автора как бы отодвигаются в сторону и подменяются привычными для западной пропаганды публицистическими клише. Вроде такого: «Там, где отказывали политические и экономические рычаги, Россия применяла прямую военную силу, подавляя соседние страны» (S. 41). Сама история восточноевропейского большого пространства словно

21. Цит по: *Schmitt C.* (1995). Die geschichtliche Struktur des heutigen Welt-Gegensatzes von Ost und West // *Schmitt C.* Staat, Grossraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916–1969 / Hrsg. mit einem Vorwort von G. Maschke. Berlin: Duncker & Humblot. S. 528.

22. *Schmitt C.* (1995). Die Ordnung der Welt nach dem Zweiten Weltkrieg. S. 607.

начинается для Симмса с 1991 года и представляет собой стандартный для западного нарратива набор геополитических прегрешений Российской Федерации перед своими вольнолюбивыми соседями: поддержка Приднестровья, вторжение в Чечню, военные базы в Армении, нападение на Грузию, аннексия Крыма, поддержка сепаратистов на Востоке Украины и т.п.

Публицистический дискурс настолько доминирует в русском разделе, что неизбежно возникает вопрос об эвристической прибавочной стоимости такого рода экскурсов в ближайшее прошлое: стоило ли с таким прилежанием изучать шмиттовский корпус текстов, чтобы потом воспроизводить банальности на уровне мейнстрима западной журналистики? С переходом к рассмотрению украинского кризиса Симмс все же пытается интерпретировать российские инициативы 2021 года из шмиттианской перспективы. Так, для него проекты соглашений РФ с США и НАТО означают требование недопущения внешних сил в большое русское пространство в духе Шмитта. Также он признает, что в этой перспективе, «отстаиваемой Дугиным и евразийцами в кремлевском окружении» (S. 43), начало военной операции на Украине является актом самообороны. При этом автор неоднократно сравнивает стремление российского руководства консолидировать евразийское пространство и обезопасить его от вторжения чуждых сил с нацистским проектом, что неизбежно девальвирует научный статус его шмиттовской лекции.

Шестой раздел проблематизирует китайскую рецепцию идей Шмитта: «Концепт большого пространства в КНР». В «Разговоре о партизане» (1969) немецкий юрист выделяет китайцев как «теллурический», сухопутный народ, противопоставляя западным морским державам²³. Не менее удивительными для европейского консерватора являются ссылки на Мао Цзэдуна, включая его стихи! В этом смысле Шмитт возлагал большие надежды на роль Китая как большого континентального пространства в противостоянии с Глобальным Западом. Это не осталось незамеченным в сегодняшней КНР, переживающей настоящий бум интереса к наследию немецкого правоведа. По сравнению с мыслящей Россией, открывшей для себя Шмитта еще в 1990-е, китайские интеллектуалы начали активно изучать его идеи лишь в 2010-е. Симмс связывает этот прорыв прежде всего с теорией больших пространств: ключевой шмиттовский текст на эту тематику, «Номос земли», был переведен на китайский в 2017 году. По его данным, для китайских интерпретаторов Шмитт значим в первую очередь как «глобальный историк», позволяющий лучше понять положение Поднебесной в XIX и первой половине XX века как огромное пространство, над которым доминировали другие силы. В этой перспективе концепт большого пространства оказывается подходящим аналитическим инструментом для управления со стороны КНР геополитической ситуацией в XXI веке. Например, часто речь идет о «большом пространстве китайского типа» (S. 48) и т.п. При этом автор отмечает относительную нераспространенность

23. Gespräch über den Partisanen (1970): Carl Schmitt und Joachim Schickel // J. Schickel (Hrsg.), *Guerilleros, Partisanen: Theorie und Praxis*. München: Hanser. См. русский перевод: *Шмитт К.* (2007). *Беседа о партизане // Шмитт К.* Теория партизана. М.: Праксис.

в современном Китае большого страха или открытой ненависти к англосаксам, как в России. Тем не менее и там коллективный Запад предстает как значимая часть политического воображаемого с сильными отрицательными коннотациями. Исследователь задается в этой связи вопросом, как далеко оба эти антизападные пространства смогут сотрудничать в плане недопущения конфликтов и сдерживания угроз от внешних поползновений со стороны западного универсализма. Он видит в этом сотрудничестве попытку соединения двух больших пространств в одно континентальное мегапространство в духе Карла Шмитта. К сожалению, и здесь профессор Симмс не смог удержаться от неуместных параллелей с Тройственным пактом между Берлином, Римом и Токио 1940 года, лишь обесценивающих аналитическое качество его высказывания.

В седьмой главе книги обсуждаются внутриевропейские дебаты о большом пространстве, которые представляют наименьшую ценность для русского читателя: «Взгляд на ЕС, Европу и Германию». В ней затрагивается способность ФРГ в смысле шмиттовского рейха излучать свою силу на собственное большое пространство, т.е. на остальной ЕС. При этом автор считает, что нынешняя Европа не является ни империей, ни автономным большим пространством в шмиттовском смысле. Так, она не обладает достаточным силовым ресурсом, чтобы решать вопросы войны и мира на собственной территории. Кроме того, ЕС недостаточно гомогенен и не может стремиться к гомогенности как условию политического единства в понимании Карла Шмитта. Помимо этого, большое пространство не должно пытаться транслировать свою «идею» в другие большие пространства, как это делает ЕС с универсалистским императивом прав человека, и т.д. Общий вердикт идейного атлантиста Б. Симмса неутешителен: «Европа не имеет собственного пространства, а скорее является арендатором земельного участка, который по-прежнему находится в геополитической собственности англо-американцев, или, если хотите, “англосаксов”» (S. 58).

В заключении автор констатирует окончательное возвращение большого пространства, если оно когда-либо и уходило из мировой политической теории и практики (S. 59). Далее он вновь сбивается на геополитическую публицистику. Так, симптомом этого возвращения для него становится вооруженный конфликт на Украине. Два восходящих больших пространства — русское при В. В. Путине и китайское при Си Цзиньпине — бросают вызов западному доминированию и т.п.

В целом шмиттовская лекция британского историка представляет собой амбивалентный пример прикладного шмиттоведения. В ней содержатся потенциально интересные подходы к применению идей спорного классика в качестве аналитической рамки при рассмотрении конкретных кейсов и сюжетов внешней политики прошлого и настоящего. К большому сожалению, идеологическая ограниченность либерального интервенциониста Б. Симмса резко снижает эвристическую значимость его материала.

Schmittian Variations on the Concept of Großraum

Review of the book: Simms B. (2023) *Die Rückkehr des Großraums?* Berlin: Duncker & Humblot. — (Carl-Schmitt-Vorlesungen, Band 6). ISBN: 978-3-428-19022-5

Oleg Kildyushov

Senior Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: kildyushov@mail.ru